

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Москва
2020

УДК 930
ББК 63
И90

Издание основано в 1937 году
Возобновлено в 1995 году

Редакционная коллегия:

Е.И. ПИВОВАР, член-корр. РАН (составитель и ответственный редактор);
Л.А. БЕЛЯЕВ, член-корр. РАН; М.Ю. МУХИН, доктор исторических наук
(зам. ответственного редактора);
И.С. КОНДРАШОВА (секретарь); П.П. ЧЕРКАСОВ, член-корр. РАН;
В.С. ХРИСТОФОРОВ, член-корр. РАН.

Рецензенты:

доктор исторических наук С.В. ДЕВЯТОВ
член-корреспондент РАН С.В. МИРОНЕНКО

Очередной номер ежегодника «Исторические записки» представляет спектр статей по наиболее актуальным проблемам современной отечественной историографии. Статьи, помещённые в номере, объединены в разделы, посвящённые наиболее важным и востребованным на современном этапе направлениям работ российских историков. Это актуальные проблемы археологии, историографии и архивоведения, социальная и экономическая история России XX – начала XXI вв., история культуры, а также история российского зарубежья.

Для историков, преподавателей истории и студентов высших учебных заведений.

ISBN 978-5-907036-98-7

© Пивовар Е.И., 2020

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ

Державин В.Л.

Дискуссионные вопросы в истории Шпицбергена6

Вах К.А.

Первые русские раскопки у Храма Гроба Господня в Иерусалиме
в 1859–1861 гг.23

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.

«Русский Антик». Выставка Эллино-скифского отделения
Государственного Эрмитажа в интеллектуальном контексте эпохи 78

Катагощина М.В.

Эволюция социального облика и статуса частного коллекционера
в России XIX – начала XX века.....99

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Виттенберг Е.Я.

У истоков социальной ответственности гражданского
общества в России 124

Мухин М.Ю.

Причины и предпосылки отказа от НЭПа..... 155

Никитин Н.И.

Вопрос о происхождении и этнической идентификации казачества:
исследовательские подходы и исторические реалии..... 175

ИСТОРИОГРАФИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЕ

Исакова М.С., Гусева Ю.Н., Христофоров В.С.

Архивы и архивная политика Узбекистана в XXI веке
(к 100-летию архивной службы Республики Узбекистан) 226

Ланской Г.Н.

Геополитические репрезентации внешней политики России
в отечественных и зарубежных историографических источниках 242

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Ершов В.Ф.

Северокавказское зарубежье XX века и становление
культурно-исторического пространства глобального Русского мира254

Бочарова З.С., Мосейкина М.Н.

Организация переселения российских эмигрантов в страны
Латинской Америки в 1920-е гг.: правовой и социальный аспекты298

Contents

ARHEOLOGY

Victor L. Derzhavin

Debatable issues in the history of Spitsbergen6

Kirill A. Vach

**The first Russian excavations near the Church of the Holy Sepulcher
in Jerusalem in 1859–1861.....23**

HISTORY OF CULTURE

Vitaly G. Ananyev, Mikhail D. Bukharin

**«Russian Antique». Exhibition of the Helleno-Skythian Branch
of the State Hermitage in the Intellectual Context of its Time..... 78**

Maria V. Katagoshchina

**The evolution of social appearance and status of private collector
in Russia XIX – the beginning of the XX century.....99**

SOCIAL AND ECONOMIC HISTORY

Eugene Y. Wittenberg

At the origins of social responsibility of civil society in Russia..... 124

Mikhail Yu. Mukhin

The reasons and background of the refusal of the NEP 155

Nikolay I. Nikitin

**The question of the origin of ethnic identification of the Cossacks:
research approaches and historical realities 175**

HISTORIOGRAPHY AND ARCHIVAL STUDIES

Mohaa S. Isakova, Yulia N. Guseva, Vasily S. Khristoforov

Archives and archival policy of Uzbekistan in the XXI century.....226

Grigorii N. Lanskoï

**Geopolitical representations of Russia's foreign policy in domestic
and foreign historiographical sources.....242**

HISTORY OF THE RUSSIAN ABROAD

Vitaly F. Ershov

**The North Caucasian abroad in the 20th century and the formation
of cultural and historical space of the global Russian world254**

Zoya S. Bocharova, Marina N. Moseikina

**The organization of relocation of the Russian emigrants
to Latin America in the 1920s: legal and social aspects.....298**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. ТИШКОВ (Россия) – сопредседатель Совета

М. ЭМАР (Франция) – сопредседатель Совета

А. БЕРЕЛОВИЧ (Франция)

П. ГАТРЕЛЛ (Великобритания)

А.П. ДЕРЕВЯНКО (Россия)

С.П. КАРПОВ (Россия)

М.А. ЛИПКИН (Россия)

Н.А. МАКАРОВ (Россия)

И.П. МЕДВЕДЕВ (Россия)

Р.М. МУНЧАЕВ (Россия)

Ю.А. ПЕТРОВ (Россия)

Е.И. ПИВОВАР (Россия)

М.Б. ПИОТРОВСКИЙ (Россия)

У. РОЗЕНБЕРГ (США)

Р. ТОРСТЕНДАЛЬ (Швеция)

М. ХИЛЬДЕРМАЙЕР (Германия)

А.О. ЧУБАРЬЯН (Россия)

Ю. ШЕРРЕР (Франция)

В.Л. ЯНИН(Россия)

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

«Русский Антик».

Выставка Эллино-скифского отделения Государственного Эрмитажа в интеллектуальном контексте эпохи

К 150-летию Б.В. Фармаковского и М.И. Ростовцева

Аннотация: В центре внимания статьи – выставка Эллино-скифского отделения Эрмитажа, открывшаяся в 1927 г. и ставшая новым словом в презентации археологического материала музейными средствами в нашей стране. Авторы впервые вводят в научный оборот новый источник – доклад, посвященный концепции выставки, сделанный 2 декабря 1926 г. на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Государственного института истории искусств выдающимся российским археологом и историком искусства, одним из создателей выставки Б.В. Фармаковским. На основании широкого круга источников в статье анализируются институциональные связи Фармаковского с Эрмитажем и Институтом истории искусств. Рассматривая сюжет выставки в общем интеллектуальном контексте эпохи, авторы связывают интерес к данной теме и методы ее визуализации с так называемой позднеимперской эпистемологической революцией, отвергавшей культ чистых форм и кодифицировавшей гибридность в качестве нормы исторического развития. Сопоставляя музейную презентацию исторических феноменов с их аналитическим рассмотрением в историографии (труды М.И. Ростовцева), авторы аргументируют релевантность истории культуры как широкого исследовательского поля, в рамках которого могут найти свое место как история музейного дела, так и история науки.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, история археологии, история культуры, Б.В. Фармаковский, М.И. Ростовцев, «звериный стиль».

«Russian Antique».

Exhibition of the Helleno-Skythian Branch of the State Hermitage in the Intellectual Context of its Time

Abstract : The article focuses on the exhibition of the Helleno-Skythian branch of the State Hermitage, which opened in 1927 and became a new word in the presentation of archaeological material by museum means in our country. The authors introduce into scientific circulation a new source – a report dedicated to the concept of the exhibition, held on December 2, 1926 at the session of the Museum Section of the Committee of Sociological Study of Art of the State Institute of Art History by the outstanding Russian archeologist and historian of art, one of the creators of the exhibition B. V. Farmakovsky. Based on a wide range

of sources, the article analyses Farmakovsky's institutional ties with the State Hermitage and the Institute of Art History. Considering the main topic of the exhibition in the general intellectual context, the authors associate the interest to it and its visualization methods with the so-called "Late Imperial epistemological revolution", which rejected the cult of pure forms and codified hybridicity as the norm of historical development. Comparing the museum presentation of historical phenomena with their analytical consideration in historiography (works of M.I. Rostovtzeff), the authors argue the relevance of the history of culture as a wide research field, within which both the history of museums and the history of science can find their place.

Keywords: State Hermitage, history of archaeology, history of culture, B.V. Farmakovsky, M.I. Rostovtsev, "animal style".

Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) – крупнейший отечественный антиковед – археолог, искусствовед, организатор археологических исследований в Северном Причерноморье. Основной заслугой Б.В. Фармаковского в области классической археологии можно считать ведение систематических раскопок античной Ольвии в 1901–1915 и 1924–1926 гг.²⁵¹. Как отмечал Л.С. Клейн, ученый не только первым в России начал последовательно применять полевую методику, разработанную в наиболее передовых европейских школах классической археологии, раскапывая Ольвию по квадрату, но и стал основателем всех основных школ советской античной археологии: ленинградской, московской и киевской²⁵².

Выпускник Новороссийского университета, в конце 1890-х гг. он переехал в столицу и с 1904 г. занимал профессорские кафедры в различных научно-образовательных учреждениях Санкт-Петербурга: Петербургском историко-филологическом институте (с 1904 г.), Бестужевских курсах (с 1910 г.), Петроградском археологическом институте (с 1917 г.), Петроградском университете (с 1919 г.). В 1918 г. Б.В. Фармаковский выступил одним из основателей Российской Государственной археологической комиссии, ставшей затем Российской (с 1926 г. – Государственной) академией истории материальной культуры (далее – РАИМК), в которой в 1921–1928 гг. он выполнял обязанности ученого секретаря, а также заведовал Разрядом греко-римского искусства Художественно-исторического отделения и Разрядом археологии Скифии и Сарматии Археологического отделения.

Достаточно тесные связи сформировались у Б.В. Фармаковского и с Эрмитажем – одним из основных центров петроградского антиковедения поздней имперской эпохи. Еще до революции его ученики изучали здесь археологические находки, сделанные исследователем в ходе южнорусских раскопок²⁵³, в апреле 1918 г. Б.В. Фармаковский приглашался сюда в качестве стороннего эксперта для оценки предполагаемых к покупке материа-

²⁵¹ См.: Фармаковский Б.В. Ольвия. М., 1915.

²⁵² Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб., 2014. Т. 2. Археология советской эпохи. С. 48.

²⁵³ См.: Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М., 2018. С. 830.

лов²⁵⁴, затем в качестве делегата от Археологической комиссии участвовал в выборах хранителей²⁵⁵, а в ноябре 1919 г. даже просил от лица РАИМК «о разрешении прочесть некоторые ученые доклады по академии в Эрмитаже ввиду низкой температуры в академии»²⁵⁶. Впрочем, когда в феврале 1922 г. его кандидатура была выставлена на замещение должности одного из внешних членов Совета Эрмитажа, за нее был подан всего один голос²⁵⁷.

Летом того же года по инициативе Эрмитажа Б.В. Фармаковский был приглашен войти в состав комиссии, которой предстояло решать один из самых спорных и сложных вопросов музейного дела первых пореволюционных лет – вопрос, обернувшийся шумным скандалом и разделивший музейную общественность Петрограда на два лагеря – передавать ли в Эрмитаж антики из пригородных дворцов или оставить их в экспозиции на местах²⁵⁸. В январе 1923 г. он был избран в комиссию по распределению между существующими отделениями Эрмитажа предметов упраздняемого Средневекового отделения²⁵⁹. А 18 февраля 1924 г. Б.В. Фармаковский единогласно был избран на должность хранителя Отделения греческих городов на юге России (с июня 1924 г. – Отделения эллино-скифских древностей) Эрмитажа²⁶⁰ и вошел в состав Совета музея. Он активно включился в работу музея и способствовал перемещению сюда на тех или иных условиях службы своих учениц. На первом же заседании Совета, на котором он присутствовал в качестве члена, по его предложению, поддержанному заведующим Отделом древностей О.Ф. Вальдгауером²⁶¹, перед РАИМК было возбуждено ходатайство «о временном откомандировании для работ в Эрмитаже сотрудников Академии» Т.Н. Книпович, О.А. Пини и Е.О. Прушевской²⁶². Все они в итоге стали штатными сотрудниками музея. В июне 1924 г. на Б.В. Фармаковского было возложено общее наблюдение за реставрационными работами в музее, и в проекте замещения штатных должностей, помимо должности хранителя, за ним была закреплена и должность заведующего Реставрационной мастерской²⁶³. Хранителем он оставался вплоть до своей смерти в 1928 г.

²⁵⁴ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2001. Ч. I. 1917–1919 годы. С. 42, 45.

²⁵⁵ Там же. С. 149, 200.

²⁵⁶ Там же. С. 529. Разрешение было получено.

²⁵⁷ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2009. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 428–429.

²⁵⁸ Там же. С. 456. О нем см.: Королев Е.В., Кучумова А.М. Античная скульптура Павловска в 1918–1922 гг. и проблемы музейной специализации // Античное искусство в советском музееведении. Л., 1986. С. 20–34; Исагулова Т.Д. Почему же все-таки «в Эрмитаже Павловской статуе обломали руки»? (граф Валентин Платонович Зубов и дворцово-парковый ансамбль Павловска в 1920-е гг.) // Павловские чтения. Материалы V и VI научных конференций. Павловск, 2003. С. 134–145.

²⁵⁹ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 511–512, 515.

²⁶⁰ Там же. С. 644, 657, 693.

²⁶¹ Вальдгауер Оскар Фердинандович (1883–1935) – историк античного искусства; с 1903 г. – на различных должностях в Эрмитаже: прошел путь от внештатного сотрудника без оплаты до исполняющего обязанности директора.

²⁶² Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 647.

²⁶³ Там же. С. 693, 700, 705.

В 1914 г. Б.В. Фармаковский за заслуги в области классической археологии был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. Кандидатура его выдвигалась на выборах и в действительные члены АН СССР. Например, в феврале 1927 г. академик В.П. Бузескул²⁶⁴, не имевший возможности прибыть в Ленинград из Харькова для личного участия в выборах, направил академику-секретарю Отделения историко-филологических наук И.Ю. Крачковскому²⁶⁵ телеграмму следующего содержания: «По классической филологии по-прежнему предлагаю Жебелёва²⁶⁶. Мотивы – в моей “Записке”»; ссылаюсь и на отзыв Ростовцева²⁶⁷. По новой истории первым кандидатом Кареева²⁶⁸, по истории искусств – Фармаковского, если оправится, затем Айналова²⁶⁹. Подробности письмом. Прошу сообщить мое мнение совещанию»²⁷⁰. О том же в июле 1927 г. он писал и академику С.Ф. Платонову²⁷¹: «Со своей стороны я полагал бы, что необходимо подумать и о замещении вакансий по ближайшим к нам специальностям. Необходим археолог или историк искусства (Б.В. Фармаковский или Д.В. Айналов). В настоящее время громадное значение приобрела папирология (греческая), и по этой части есть, по-моему, прекрасный специалист в лице Г.Ф. Церетели²⁷²; кстати, это установило бы связь и с Грузией. А может быть, понадобится латинист. Думаю, что и тут найдутся подходящие кандидаты»²⁷³. Избрание, однако, не состоялось. Возможно, одной из причин стало резкое ухудшение здоровья Б.В. Фармаковского, которое, фактически, в конце 1920-х гг. лишило его возможности работать и, в итоге, привело к скоропостижной смерти 29 июля 1928 г.

Наряду с С.А. Жебелёвым, избранным академиком в мае 1927 г., и Г.Ф. Церетели (бывшим членом-корреспондентом с 1917 г.) Б.В. Фармаковский был ведущим отечественным антиковедом поздней имперского – раннесоветского периодов. Заслуги ученого перед наукой неоднократно рассматривались

²⁶⁴ Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) – историк-антиковед, действительный член РАН (1922), профессор Харьковского университета (1885–1924).

²⁶⁵ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – историк, филолог-арабист, профессор Петроградского университета (1918), действительный член РАН (1921).

²⁶⁶ Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) – историк, филолог-антиковед, действительный член АН СССР (1927), заслуженный деятель науки РСФСР (1940).

²⁶⁷ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк, археолог, искусствовед, ученик Н.П. Кондакова, профессор Санкт-Петербургского университета (1902), член-корреспондент (1908), действительный член (1917) РАН; с 1918 г. – в эмиграции: профессор университетов Медисон (1920) и Йель (1925).

²⁶⁸ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, специалист по истории нового и новейшего времени (Франция и Польша), философии истории, член-корреспондент ИАН (1910), почетный член (1929) АН СССР.

²⁶⁹ Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) – историк русского, византийского и западноевропейского средневекового искусства, член-корреспондент ИАН (1914).

²⁷⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 7 об.

²⁷¹ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк-русист, профессор Петербургского университета (1890), действительный член РАН (1920).

²⁷² Церетели Григорий Филимонович (1870–1938 или 1939) – российский, грузинский филолог-классик, папиролог, член-корреспондент РАН (1917).

²⁷³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403. Л. 13 об.

в исследовательской литературе²⁷⁴, и его работы по-прежнему активно используются в исследованиях по античной археологии и истории искусства. Меньше изучена его музейная деятельность. Центральным ее элементом справедливо считается работа над экспозицией Эллино-скифского отделения, проводившаяся в 1926–1927 гг. и ставшая для Эрмитажа, по замечанию А.Ю. Алексеева, «первым опытом связи экспозиционной программы в художественном музее с историческим пониманием закономерностей развития культуры на юге нашей страны»²⁷⁵. Исследователь, опираясь на материалы ведомственных архивов Эрмитажа, ёмко охарактеризовал структуру выставки и ее научную программу, выделил намеченные самими ее создателями перспективы возможного развития. Следует отметить, что выставка, как и ряд других музейных начинаний, приуроченная к 10-летию Октябрьской революции, вероятно, вызвала интерес в среде специалистов и за стенами Эрмитажа. Так (о чем не было известно раньше), 2 декабря 1926 г. ее обсуждение состоялось на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Государственного института истории искусств, где сам Б.В. Фармаковский выступил с докладом «Эллино-скифская выставка Государственного Эрмитажа»²⁷⁶. Сохранившийся протокол заседания позволяет еще раз уточнить позицию самого исследователя по вопросу о «русском антике» и вслушаться в мнения выступавших в прениях коллег. Этот текст представляет интерес как для истории исторической науки, так и для истории музейного дела, демонстрируя тесную связь и в то же время специфику этих направлений производства знания. Прежде чем обратиться к его анализу, однако, следует сказать несколько слов о том учреждении, в стенах которого доклад был сделан, и связи с ним самого докладчика.

6 апреля 1923 г. С.А. Жебелёв писал Н.П. Кондакову²⁷⁷: «Фармаковскому я Ваше письмо, конечно, передам немедленно. Почему он Вам не отвечает, не понимаю – вероятно, мешают лекции, кои он читает всюду, где возможно, и даже там, где их читать не годится серьезному человеку, например в “Институте истории искусств”, похожем на то общество, которое, как Вы пишете, основал Окунев²⁷⁸, а может быть, и похуже»²⁷⁹. Такое скептическое отношение, характерное для умонастроения автора письма, на деле едва ли было

²⁷⁴ См.: Кругликова И.Т. К 100-летию со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского // Советская археология. 1970. №1. С. 3–8; Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988; Гаркуша Н.М. Борис Владимирович Фармаковский. Николаев, 2010.

²⁷⁵ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года // Античное искусство в советском музееведении. Л., 1986. С. 59–66.

²⁷⁶ Архив Государственного Эрмитажа (Далее – АГЭ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 136–139.

²⁷⁷ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – выдающийся искусствовед, археолог, член-корреспондент (1892), действительный член (1898) ИАН, один из главных учителей большинства российских антиковедов, искусствоведов, византистов конца XIX – начала XX в.; с 1920 г. – в эмиграции.

²⁷⁸ Окунев Николай Львович (1885–1949) – историк искусства и архитектуры; с 1920 г. – в эмиграции в Югославии и Чехии; основал Архив и галерею славянского искусства при Славянском институте в Праге.

²⁷⁹ Цит. по: Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики. Под ред. члена-корреспондента РАН И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 701.

оправдано. Основанный меценатом и историком искусства графом В.П. Зубовым (1884–1969) в 1912 г. как центр «для изучения истории искусств в точном значении этого понятия»²⁸⁰, Институт истории искусств (с 1920 г. – Российский, с 1924 г. – Государственный, далее в статье – Институт) в 1920-е гг. стал одним из наиболее ярких центров интеллектуальной жизни Петрограда – Ленинграда²⁸¹, развивавшим уникальную программу комплексного изучения изобразительного, музыкального, театрального и словесного искусства.

Преподавательская деятельность Б.В. Фармаковского в Институте началась в первые послереволюционные годы (хотя первые контакты с ним относятся к 1917 г., о чем будет сказано ниже). Осенью 1918 г. для преподавателей средних и высших начальных учебных заведений при Институте были организованы каникулярные курсы с целью подготовки преподавателей к разбору памятников искусства в классе и к проведению художественно-исторических экскурсий с учениками. Руководил курсами М.И. Ростовцев, Б.В. Фармаковский прочел на них 4 лекции, посвященные Ольвии²⁸². В 1919 г., с увеличением в Институте числа профессорских кафедр, ученый был избран его профессором²⁸³. В том учебном году по кафедре античного искусства Отдела древнего искусства Института он читал лекции по введению в классическую археологию, вел семинарий на тему «Классические города и храмы», а также проводил занятия «по быту греков и римлян по памятникам коллекции Академии истории материальной культуры и Эрмитажа»²⁸⁴. На следующий год он читал лекции на тему «Быт и религия греков» и вел семинарий «Греческие архаические храмы и города»²⁸⁵. В 1921–1922 учебном году ученый объявил общий курс «Греческая архитектура», а в 1922–1923 г. вернулся к лекциям по теме «Введение в археологию» и хронологически продолжил тематику семинария, взяв тему «Эллинистические города и храмы»²⁸⁶. На 1923–1924 учебный год был поставлен семинарий «Древнеиталийская археология»²⁸⁷. Кроме того, он выступал с докладами на открытых заседаниях совета Института (например, 3 июня 1920 г. делал доклад на тему «Золотые медальоны из Куль-Оба с изображением головы Афины», а 23 марта 1922 г. – «Религиозный смысл фронтонов храма Зевса в Олимпии»)²⁸⁸, а после закрепления за Институтом

²⁸⁰ Институт истории искусств в С.-Петербурге // Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003. С. 12.

²⁸¹ Лихачев Д.С. Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти XX века // Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003. С. 35.

²⁸² Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924. С. 195. Сам М.И. Ростовцев на аналогичных курсах весной 1918 г. прочел 6 лекций на тему «Античное искусство на Юге России». См.: Там же. О курсах в целом см.: Ananiev V. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2016. Vol. 2. P. 9–20.

²⁸³ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств. С. 177.

²⁸⁴ Там же. С. 203.

²⁸⁵ Там же. С. 204.

²⁸⁶ Там же. С. 205.

²⁸⁷ Там же. С. 233.

²⁸⁸ Там же. С. 189.

в 1922 г. статуса научно-исследовательского учреждения вел научную работу на тему «О взаимоотношении древневосточного, греческого и римского искусства к одновременному с ними искусству стран средней и северной Европы»²⁸⁹. Таким образом, как видим, с конца 1910-х гг. связи Б.В. Фармаковского с Институтом были достаточно прочными, и он регулярно проводил занятия на Отделении (факультете, разряде) истории изобразительных искусств.

Музейная проблематика присутствовала в сфере интересов Института практически с момента его создания, однако последовательно и систематично начала разрабатываться с 1925 г., после того как новым директором Института стал видный искусствовед и музеевед Ф.И. Шмит²⁹⁰. Тогда в рамках созданного в 1924 г. Комитета социологического изучения искусства, призванного объединять и направлять «научную работу всех отделов института в области социологии искусства»²⁹¹, была создана особая Музейная секция, ставшая одним из интереснейших феноменов в истории развития музееведческой мысли Петрограда – Ленинграда 1920-х гг. Возглавлял секцию О.Ф. Вальдгауер, бывший не только одним из старейших преподавателей Института и председателем институтского Отделения истории изобразительных искусств, но и руководителем Отдела древностей, т. е. непосредственным начальником Б.В. Фармаковского, в Эрмитаже.

Определяя цели и задачи секции, О.Ф. Вальдгауер отмечал 7 января 1925 г. на первом заседании ее президиума: «Новая общественная обстановка требует новых приемов музейного строительства, новых методов в экспозиции материала, при каковой должен быть учтен социологический момент. Применение социологических принципов в музейном деле требует осторожности и внимания и обязывает к предварительной основательной проработке этих вопросов. Поставленная на очередь проблема не может быть решена исходя из теоретических предпосылок, она требует практического изучения наличного музейного материала». Поэтому-то «в своей исследовательской работе, тесно связанной с живой практикой, само собой музейной секции придется начать с изучения тех музеев, в которых социологический метод легче применим, и отчасти уже применим. Таковыми являются музеи быта и музей революции. Искусство прежде всего элемент быта. Учет бытовых явлений для изучения социологических основ искусства – необходим»²⁹².

В 1926–1927 академическом году для обсуждения в открытых заседаниях (которые и были основной формой работы секции) были намечены три основных темы: принципы строительства и экспозиции музеев революции, археологии и этнографических музеев²⁹³. Однако вторая половина 1920-х гг.

²⁸⁹ Там же. С. 187–188.

²⁹⁰ Шмит Федор Иванович (1877–1937) – историк русского и византийского искусства, теоретик искусства, музеевед, профессор ЛГУ, директор Института с 1924 г.

²⁹¹ АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 43–44. О создании комитета см.: Кумпан К.А. К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 345–360.

²⁹² АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 51.

²⁹³ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 3. Д. 27. Л. 8.

стала для Института тяжелым временем постоянных волнений, вызванных как внутренними кризисами, так и усилившимся давлением извне. Возглавлявший секцию О.Ф. Вальдгауер в 1927 г. неоднократно выезжал в научные командировки, затем был назначен временно исполняющим обязанности директора Эрмитажа и не мог уделять должного внимания руководству работами секции. В итоге за этот период, судя по всему, состоялось всего три заседания с обсуждениями докладов М.Б. Каплана «Музей Революции» (14 декабря 1926 г.), Е.З. Медведева «Елагин музей на фоне быта островов» (18 апреля 1927 г.) и Б.В. Фармаковского «Эллино-скифская выставка Государственного Эрмитажа» (2 декабря 1926 г.)²⁹⁴.

Выступление Б.В. Фармаковского на заседании секции, одной из задач которой была разработка «новых методов в экспозиции материала, при какой должен быть учтен социологический момент», не было случайностью. Современники отмечали тот интерес, который в середине 1920-х гг. возник у исследователя к вопросам социологии искусства. Так, например, С.А. Желбелёв в письме Н.П. Кондакову от 21 сентября 1924 г. неодобрительно отмечал: «Фармаковский столько набрал себе лекций (а теперь еще, сверх того, хранитель Эрмитажа), что заниматься наукой ему некогда. К тому же он интересуется теперь социологией искусства, марксизмом в искусстве, одним словом, пошел далеко»²⁹⁵. И 10 февраля 1925 г. продолжал: «Он тоже “модерничает”; привлекает самоновейшее искусство, всякие экспрессионизмы и т.п.»²⁹⁶. Ученый в 1924–1925 учебном году читал в Институте курс «Социология изобразительного искусства», курс социологии искусства (вероятно, в 1925–1926 г.) он читал и в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена²⁹⁷, а в 1925 г. на Археологическом отделении Факультета общественных наук Петроградского университета он вел семинарий на тему «Искусство и общество античного мира»²⁹⁸. Когда в начале 1924 г. в РАИМК была создана Комиссия социологии искусства, возглавить которую в апреле того же года любезно согласился Нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский, фактическим руководителем новой структурной единицы стал опять же Б.В. Фармаковский²⁹⁹. В материалах Института, относящихся к осени 1926 г., Б.В. Фармаковский значится даже как заместитель председателя Музейной секции³⁰⁰, впрочем, возможно, это опечатка, и имеется в виду его брат, сотрудник Историко-бытового отдела

²⁹⁴ Там же. Л. 21 об.

²⁹⁵ Цит. по: Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 728.

²⁹⁶ Там же. С. 752.

²⁹⁷ Ср. в личном деле доцента этого института И.И. Иоффе: «Новейшую литературу вел сам, социологию искусства взял после смерти проф. Фармаковского». См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 4331. Оп. 42. Д. 72. Л. 26.

²⁹⁸ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 277.

²⁹⁹ Отдел рукописей Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1925). Д. 1. Л. 103.

³⁰⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 3. Д. 21. Л. 50.

Русского музея М.В. Фармаковский, принимавший гораздо более активное участие в работе секции.

Помимо интереса исследователя к проблемам социологии искусства важным фактором, стимулировавшим научный поиск именно в этом направлении, был и сам материал – археологические памятники Эрмитажа и, конкретнее, южнорусские древности. Как отмечает И.Л. Тихонов, к началу XX в. археологические предметы экспонировались в музее так, что «прежде всего, подчеркивалась эстетическая ценность экспонатов, чаще всего произведений ювелирного искусства. Преобладал художественный, а не исторический подход, вещи выставлялись в большей степени как самоценные произведения древнего искусства, а не элементы единой культурной среды. Предметы из одного комплекса вместе не выставлялись <...> В одной витрине могли экспонироваться вещи, не связанные между собой ни хронологически, ни территориально, ни культурно»³⁰¹. Это было естественным отражением идеалистической эстетики, восходящей к идеям Гегеля и немецких романтиков начала XIX в., для которой развитие искусства являлось имманентным процессом развертывания мирового духа, никак не связанным (тем более, не детерминированным) с социо-экономическими факторами³⁰². Сказывалось и понимание Эрмитажа как преимущественно художественного музея. Как отмечают, характеризуя такой тип экспонирования археологических материалов, М. Шенкс и К. Тилли: «Эстетизированный артефакт – бегство от кошмара истории»³⁰³. После событий 1917 г. ситуация изменилась. Сам музей в большей степени стал рассматриваться как музей истории мировой культуры. Стало меняться и понимание феномена искусства. Ср. приведенные выше слова О.Ф. Вальдгауера: «Искусство, прежде всего, элемент быта. Учет бытовых явлений для изучения социологических основ искусства – необходим». Социологический подход (совершенно не обязательно совпадающий с марксистским) начал теснить господствовавший прежде идеализм. Естественно, это ставило на повестку дня вопросы нового подхода к экспонированию музейного материала как одному из основных средств визуализации и популяризации нового понимания искусства и исторического процесса как такового. Более конгениальной духу времени стала другая стратегия экспонирования археологического материала, которую М. Шенкс и К. Тилли определяют как «гуманизацию нарратива», т. е. «помещение артефактов в их конкретный “человеческий” контекст», в частности, посредством «нарративного показа», предполагающего включение в экспозицию контекстуальной информации (как правило, в форме диаграмм с текстом, карт и т. п.)³⁰⁴.

Эллино-скифские памятники оказывались как нельзя более подходящим материалом для экспериментирования. Интерес к ним был высок как в Рос-

³⁰¹ Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. СПб., 2014. С. 456.

³⁰² О роли Гегеля как одного из предтеч «философской музеологии» см.: Ананьев В.Г. История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты. М., 2018. С. 53–54.

³⁰³ Shanks M., Tilley Ch. Re-Constructing Archaeology. Theory and Practice. London; New York, 1987. P. 73.

³⁰⁴ Ibid.

сии, так и за рубежом. Так, например, когда в 1913 г. в Санкт-Петербурге состоялась встреча членов Ассоциации руководителей музеев для защиты против подделок и незаконной деятельности, объединившей элиту музейного мира Европы – директоров и главных хранителей многих художественных и археологических музеев³⁰⁵, наряду с крупнейшими музеями столицы участники посетили и выставку недавно обнаруженных золотых предметов с Юга России³⁰⁶.

Музейная презентация этих находок стала предметом специальной дискуссии весной – летом 1917 г. Тогда при Институте была создана особая комиссия, призванная выработать общий проект особого Министерства искусств, которое бы, среди прочего, взяло на себя заботу «о существующих произведениях искусства и сохранение их в жизни», а также отвечало за сохранение произведений искусства, «вышедших из круга жизни», т. е. создание и деятельность музеев³⁰⁷. Эту комиссию возглавил М.И. Ростовцев. В ее рамках был образован и ряд подкомиссий, одна из которых посвящалась музейному делу и охране памятников (в частности, вопросу о регулировании археологических раскопок). Именно работа в этой подкомиссии и стала первым известным нам случаем сотрудничества Б.В. Фармаковского с Институтом. М.И. Ростовцев выступил на ее заседании с программным докладом «Раскопки и охрана памятников, добытых путем раскопок», а Б.В. Фармаковский участвовал в его обсуждении, солидаризовавшись с основными тезисами коллеги. Тогда же М.И. Ростовцев сделал доклад на тему «Центральный археологический музей», в котором не только обосновал необходимость того, что такой «музей должен сосредоточить в себе вещи, найденные в России», но и особо подчеркнул: «При размещении предметов необходимо сделать их живыми и поучительными, то есть предвзительно разобраться в их назначении и в их принадлежности к тому или другому целому. В большинстве случаев предметы должны быть размещены по отдельным находкам с выставлением тут же планов, разрезов или моделей тех сооружений, где предметы были найдены, если это важно для понимания самих предметов»³⁰⁸. Продолжением именно этой дискуссии и назовет в 1926 г. обсуждение доклада Б.В. Фармаковского о Эллино-скифской выставке О.Ф. Вальдгауер³⁰⁹.

Впоследствии и сам О.Ф. Вальдгауер, еще в ноябре 1918 г. ратовавший за создание в структуре Эрмитажа особого Отделения археологии России³¹⁰,

³⁰⁵ О ней см.: Ананьев В.Г. История зарубежной музеологии. С. 288–294.

³⁰⁶ Verhandlungen der sechzehnten Versammlung des Verbands von Museums-Beamter zur Abwehr von Fälschungen und unlauterem Geschäftsgebahren. St. Petersburg, 16/25. September 1913. Hamburg, [1913]. S. 27.

³⁰⁷ См.: Курбатов В.Я. Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств? Доклад, прочитанный по поручению Совета Института истории искусств на совещании деятелей искусства 7 марта 1917 года. Пг., 1917.

³⁰⁸ Подробнее о дискуссии см.: Ананьев В.Г. «До сих пор нет археологического музея в настоящем смысле этого слова». Петроград: Проекты и планы 1917 г. // Российская археология. 2017. № 2. С. 172–177.

³⁰⁹ См. ниже.

³¹⁰ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. I. 1917–1919 годы. С. 200.

неоднократно указывал на необходимость выделения именно южнорусского археологического материала³¹¹. 3 марта 1924 г. он же на заседании Совета Эрмитажа выступил с сообщением «о желательности устроить выставку, посвященную греческой культуре на Юге России». Совет тогда постановил: «Принципиально одобрить, просить Российскую Академию истории материальной культуры передать нужные для выставки предметы»³¹².

Недоступность этого материала для исследователей, не связанных с Эрмитажем, вызывала резкую критику. С.А. Жебелёв негодовал в письме Н.П. Кондакову от 17 декабря 1924 г.: «Южнорусские вещи, сибирские, сасанидские еще не выставлены. Фармаковский – он теперь хранитель Эрмитажа – давно устраивает выставку вещей из Ольвии, Херсонеса и Керчи, но пока и ее нет, так что не эрмитажному человеку заниматься южнорусскою классическою археологией нечего и думать, да и византийской тоже и кладами – ничего не выставлено»³¹³. И добавлял 10 февраля 1925 г.: «А ольвийский материал лежит без движения; чуть ли не более года [Б.В. Фармаковский – *В.А.*, *М.Б.*] устраивает в Эрмитаже ольвийскую выставку»³¹⁴.

Этот конкретный материал представлял существенный интерес и в свете того, что современные исследователи определяют как «позднеимперскую эпистемологическую революцию»³¹⁵, в основании которой покоились «скрещивание дисциплин и подходов в рамках крупных территориальных, природных и темпоральных структур; деконструкция утвердившихся холистических иерархий (таких, как “Восток” и “Запад”); и, самое главное, принятие гибридности не столько в качестве маргинального отклонения, сколько как нормы»³¹⁶. Нет ничего странного в том, что именно в конце 1920-х гг., т. е. в период, когда те же исследователи фиксируют определенный разрыв господствующих дискурсов с эпистемой гибридности³¹⁷, в музейной экспозиции находит прямое отражение концепт, являвшийся для нее ключевым: концепт «гибридизации (“скрещивания”) изначальных элементов (“характеристик”), которая позволяет развиваться новой системе, несущей на себе мало сходства с изначальными “семьями”»³¹⁸. Именно на позднеимперскую эпоху и приходится период формирования эпистемологических установок, определявших научное мировоззрение создателей экспозиции (О.Ф. Вальдгауера, Б.В. Фармаковского), повлиявших и на представления своих учени-

³¹¹ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года. С. 60.

³¹² Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 647.

³¹³ Цит. по: Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 742.

³¹⁴ Там же. С. 752.

³¹⁵ Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M. Hybridity: Marrism and the Problems of Language of the Imperial Situation // *Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. 2016. № 1. С. 27–68.

³¹⁶ *Ibid.* P. 54.

³¹⁷ *Ibid.* P. 56.

³¹⁸ *Ibid.* P. 35.

ков, также участвовавших в ее строительстве (Г.И. Боровка³¹⁹). В этом смысле, увлечение того же Б.В. Фармаковского социологией искусства отчасти может быть понято и как интуитивный поиск не просто соответствующей времени (не говоря – модной) формы, но как попытка найти подходящий вокабуляр для идей, сформировавшихся раньше и плохо сформулировавшихся на языке «старой» науки.

Эллино-скифская выставка представляла практически идеальный материал для демонстрации того, как из скрещения изначальных отличных друг от друга элементов (греческого и скифского) развивалась совершенно новая система («Русский Антик»), мало напоминая изначальные «семьи» («особый Антик»). В содержании доклада этот тезис (возможно, проводимый без эксплицитного представления его эпистемологических основ, как парадигма – базовая, а потому не всегда видимая) проводился Б.В. Фармаковским вполне последовательно.

Отметив в начале доклада вклад Н.П. Кондакова в выделении значения «южнорусской культуры»³²⁰ для дальнейшего развития русского искусства, далее Б.В. Фармаковский переходит к вкладу своего друга и коллеги М.И. Ростовцева в исследование истории Южной России.

М.И. Ростовцев и Б.В. Фармаковский были не просто коллегами, но – друзьями и соавторами. Между тем, история дружбы и сотрудничества двух выдающихся ученых еще не написана, хотя именно дружескими отношениями с Б.В. Фармаковским объясняется тот факт, что М.И. Ростовцев в период до 1917 г. написал целый ряд работ по истории Южной России³²¹.

К настоящему времени опубликовано лишь одно письмо М.И. Ростовцева к Б.В. Фармаковскому³²². Оно хранится в Отделе рукописей Научного архива ИИМК РАН. Письмо было отправлено 1 августа 1918 г. в период двухмесячного пребывания адресанта в Швеции. Формально М.И. Ростовцев числился в командировке³²³, фактически, как следует из этого же письма, направлялся в Англию³²⁴. Как следует из более позднего письма академику Н.Я. Марру от 12 апреля 1921 г., он принял решение эмигрировать и не возвращаться в Россию, пока в ней правят большевики³²⁵. Письмо Б.В. Фармаковскому содержит несколько просьб по присылке книг, журналов и фотографий, необходимых для работы, раздаче его собственных книг, вышедших

³¹⁹ Боровка Григорий Иосифович (1894–1941) – археолог-иранист, ученик М.И. Ростовцева, Б.В. Фармаковского, С.А. Жебелёва; с 1918 г. – в Эрмитаже; с 1919 г. – сотрудник РАИМК; с 1920 г. – профессор Археологического института.

³²⁰ Здесь Б.В. Фармаковский, определенно, имеет в виду культуру древнего (античного) периода.

³²¹ Бауэрсок Г. Южная Россия М.И. Ростовцева: между Ленинградом и Нью-Хейвенем // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 152.

³²² Письма М.И. Ростовцева И.В. Помяловскому, С.Ф. Платонову и Б.В. Фармаковскому / Публ. В.Ю. Зуева // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 428–430.

³²³ См.: Бонгард-Левин Г.М. Отчет М.И. Ростовцева о зарубежной научной командировке в 1918–1919 гг. // Вестник древней истории. 1994. № 3. С. 230–238.

³²⁴ См.: Бонгард-Левин Г.М. Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 124–145.

³²⁵ См.: Письма М.И. Ростовцева С.А. Жебелёву, Ф.И. Успенскому и Н.Я. Марру / Публ. И.В. Тункиной // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 414–415.

после отъезда в Швецию, коллегам, М.И. Ростовцев выражает надежду на поддержание научных контактов с «западом», просит сообщить последние сведения о событиях в музейной жизни, кратко пишет о результатах своей работы в Швеции, просит передать другие письма.

Между тем объем корреспонденции, которой обменивались ученые, весьма велик. Так, письма М.И. Ростовцева Б.В. Фармаковскому за период 1900–1916 гг. хранятся в собрании Российского Государственного исторического архива (РГИА)³²⁶ и еще ждут своего исследователя. О близких контактах ученых свидетельствует и тот факт, что Б.В. Фармаковский хранил и записные книжки своего коллеги³²⁷ и вообще спас ту часть архива М.И. Ростовцева, которая в итоге оказалась в РГИА³²⁸.

Как признавался М.И. Ростовцев своему коллеге-иранисту Э.Х. Миннзу в письме от 6/9 января 1914 г., «все продолжаю спорить с Фармаковским о датах»³²⁹ – истина была для него важнее дружбы. В одном из следующих писем, отправленных Э.Х. Миннзу уже из Англии 12 января 1919 г., М.И. Ростовцев в числе «друзей и знакомых», за судьбу которых он тревожился, называет В.В. Латышева³³⁰ и Б.В. Фармаковского³³¹. В октябре 1921 г., как явствует из очередного письма, М.И. Ростовцев пересылал коллеге в Петроград посылку «с вещами»³³². Впрочем, и особенности характера Б.В. Фармаковского были М.И. Ростовцеву хорошо известны. Так, в одном из писем Э.Х. Миннзу он противопоставляет О.Ф. Вальдагуэра как «человека дела» своему другу, который «будет тянуть»³³³. О близости ученых говорится в одном из последних писем М.И. Ростовцева к Э.Х. Миннзу (от 3 сентября 1942 г.). Говоря о коллегах, он причисляет Б.В. Фармаковского (наряду с С.А. Жебелёвым, Я.И. Смирновым³³⁴, Г.Ф. Церетели и А.А. Васильевым³³⁵) к «нашему маленькому кружку классиков и археологов»³³⁶.

³²⁶ РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 275.

³²⁷ Зуев В.Ю. Краткий обзор фонда М.И. Ростовцева из Центрального государственного исторического архива СССР (Ленинград) // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 146 (прим. 6), 149.

³²⁸ Там же. С. 151.

³²⁹ Цит. по: Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза // Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 481.

³³⁰ Латышев Василий Васильевич (1855–1921) – филолог-классик, эпиграфист, академик ИАН (1893), директор Историко-филологического института (1903–1918).

³³¹ Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза. С. 482.

³³² Там же. С. 489.

³³³ Там же. С. 492.

³³⁴ Смирнов Яков Иванович (1869–1918) – археолог, искусствовед, действительный член РАН (1917); с 1897 г. – на различных должностях в Эрмитаже.

³³⁵ Васильев Александр Александрович (1867–1953) – российский, американский историк-византист, арабист, член-корреспондент РАН (1919), с 1925 г. – в эмиграции, профессор Висконсинского университета.

³³⁶ Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза. С. 514.

Элементом, объединявшим культуру региона от Дальнего Востока до Балкан, для М.И. Ростовцева служил так называемый звериный стиль – четкий маркер прямого или косвенного присутствия в культуре многочисленных и часто неродственных народов влияния иранской культуры. Искусство иранских кочевников Южной России и Сибири, вероятно, привлекло внимание М.И. Ростовцева еще в студенческие годы в период занятий историей искусства в семинаре Н.П. Кондакова. Уже к 1913 г. он смог дать вполне завершенные предположения о возможных путях происхождения и эволюции так называемого звериного стиля³³⁷ – основного направления искусства иранских кочевников, обогативших искусство народов как Дальнего Востока (Китая), так и Месопотамии и Балкан. Особенности звериного стиля, его история, в значительной степени составляют предмет исследований М.И. Ростовцева, подготовленных в доэмигрантский период – «Эллинизма и иранства на юге России» (Пг., 1918) и «Скифии и Боспора» (Пг.), подготовленной к печати в 1918, но изданной только в 1925 г. Однако наиболее плодотворным оказался период после отъезда в эмиграцию, именно к нему относится статья «Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля»³³⁸, написанная в 1921 г. для журнала «L'art russe»³³⁹. В ней были даны законченные характеристики сути звериного стиля, рассмотрены хронологические и территориальные особенности искусства иранских кочевников на территории от Китая до Западной Европы и Скандинавии.

«Искусство династии Хан, как и одновременное искусство юга России, есть одна из ветвей великого иранского искусства эпохи позднего эллинизма и Ранней Римской империи», утверждал ученый³⁴⁰. И далее: «Результатом этой моей статьи я считаю то, что в ней я дал первое научное доказательство тесной связи китайского и иранского искусства в древнейшей стадии их развития. Обе эти ветви художественного творчества питались из общего источника, который предстоит еще установить, но который, несомненно, связан был с древнейшим искусством Месопотамии. Каждая из них разработала это наследие по-своему: Китай – чисто схематически и с геометрическими тенденциями, Иран – более натуралистически, более живо, но и более грубо, под постоянным влиянием вавилоно-ассирийского, малоазиатского и греческого искусства. Развитие это шло параллельно и в области северных иранцев – скифов, и в Персии. В IV–III вв. до Р. Хр. иранцы вторично понесли свой звериный стиль и на Запад, и на Восток. Западная ветвь укрепилась надолго на юге России и оттуда прошла в Центральную Европу и в Северную Европу, в Скандинавию. Восточная пришла вторично в тесное соприкосновение с Китаем эпохи династии Хан»³⁴¹.

³³⁷ М.И. Ростовцев считается автором самого термина «звериный стиль»: Фаркаш Э. М.И. Ростовцев и скифское искусство // Вестник древней истории. 1992. № 3. С. 164.

³³⁸ Ростовцев М.И. Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 180–201.

³³⁹ Бонгард-Левин Г.М. Неопубликованная статья М.И. Ростовцева о зверином стиле // Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 179.

³⁴⁰ Ростовцев М.И. Юг России и Китай. С. 195.

³⁴¹ Там же. С. 199.

При этом и в современной исследовательской литературе подчеркивается, что схемы, выработанные М.И. Ростовцевым, не теряют свою актуальность вплоть до настоящего времени³⁴².

Б.В. Фармаковский, прекрасно знавший работы М.И. Ростовцева, опубликованные в России до 1918 г., обратился именно к фигуре старого друга и коллеги для подведения научной основы под концепцию выставки. В докладе Б.В. Фармаковский сразу переходит к термину «Русский антик», который был рожден М.И. Ростовцевым. В передаче Б.В. Фармаковского это понятие обозначает «результат слияния самых различных культурных элементов, в которых большую роль играет элемент Восточной культуры. “Русский Антик”, т. о., сложное культурное явление, распространившееся от северного побережья Черного моря, до дальневосточных границ». Как видим, это почти идеальное по точности определение центрального звена той самой эпистемологической революции, о которой говорилось выше. Затем Б.В. Фармаковский фактически отождествляет «Русский антик» и Южную Россию в понимании М.И. Ростовцева.

В данном высказывании просматривается отсылка к одной из основополагающих работ М.И. Ростовцева по истории Южной России – обширного региона от Причерноморья до Центральной Азии, в предисловии к которой говорится о сложении истории этого обширнейшего региона под влиянием культур Центральной и Малой Азии, Кавказа, Месопотамии³⁴³. «Южная Россия всегда была и оставалась даже в греческий период восточной страной», подчеркивал М.И. Ростовцев³⁴⁴. Вероятно, именно на этот вывод³⁴⁵ коллеги и ориентировался Б.В. Фармаковский.

Далее в своем докладе Б.В. Фармаковский переходит к характеристике процессов колонизации греками Понта Эвксинского, говорит о роли, которую Северное Причерноморье и степной регион играли в экономической жизни метрополий, о процессах взаимного культурного влияния, которые и привели к сложению уникальной культуры Южной России – «Русского антика».

Ученый характеризует важность экспонирования греческого и «варварского» материала в непосредственной близости друг от друга с тем, чтобы привнесенные элементы были четче видны. В завершении доклада он переходит к схеме исторического развития Причерноморья, выделяя четыре главных этапа в хронологии отношений античного мира и Причерноморья. В целом эта схема соответствует и современным представлениям о развитии греческой колонизации Понта Эвксинского.

³⁴² «Можно не соглашаться с деталями той или иной интерпретации или отмечать ошибки, связанные с неправильными датировками, но при обращении к его работам нельзя не удивляться тому, насколько мало мы ушли от общей созданной им схемы и как часто справедливость его суждений доказывается современными открытиями <...> Сегодня <...> мы по существу просто развиваем идеи, выдвинутые Ростовцевым» (См.: Фаркаш Э. М.И. Ростовцев и скифское искусство. С. 165–166).

³⁴³ Rostovtzeff M.I. *Iranians and Greek in South Russia*. Oxford, 1922. P. VIII.

³⁴⁴ Ibid. P. IX.

³⁴⁵ Позже мнение М.И. Ростовцева о доминировании тех или иных элементов в древней культуре Южной России изменилось; см.: Бауэрск Г. Южная Россия М.И. Ростовцева. С. 160.

Любопытным кажется и тот обмен мнениями, который вызвал доклад Б.В. Фармаковского. В прениях по докладу Г.И. Боровка, возглавлявший Скифскую секцию Эллино-скифского отделения Эрмитажа³⁴⁶, также ссылаясь на мнение М.И. Ростовцева – одного из своих учителей, снова подчеркнул необходимость более четкого выделения скифского элемента в южнорусской культуре. Боровка настаивал на необходимости выделить пути развития «Русского антика», истоки которого, по его мнению, лежали в Сибири и на азиатских окраинах³⁴⁷, и акцентировать не наиболее яркие памятники, а вещи бытового назначения, маркеры массовой культуры. Еще в августе 1926 г. он направил докладную записку соответствующего содержания возглавлявшему Отдел древностей О.Ф. Вальдгауеру, в которой, опираясь на собственный опыт, полученный в только что завершившейся Монгольской экспедиции П.К. Козлова, предлагал фактически сместить основные акценты экспозиции со связей скифской причерноморской культуры и эллинской на отношения первой к культурам центральноазиатским³⁴⁸. Этого не произошло, но сама постановка вопроса была чрезвычайно плодотворной. Поднимались в ходе обсуждения также вопросы доступности материала рядовому посетителю и соотношения типового и уникального.

Итоги обсуждению подвел председатель секции О.Ф. Вальдгауер, закончивший свое выступление словами: «Новые научные взгляды, новые представления о нашем прошлом должны быть наглядно выявлены в материале, и прочитаны посетителем. Музей ничто иное, как вещная книга». В данном случае в этой книге прочитывается не только история изучения конкретного исторического материала («русского Антика») в конкретной историографической ситуации, но и история того общего интеллектуального контекста эпохи, без понимания которого невозможно и правильное осмысление ни самой научной концепции, ни ее визуального воплощения в музейном пространстве. История исторической науки и история музейного дела встречаются, и встреча эта происходит в пространстве истории культуры.

³⁴⁶ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года. С. 59.

³⁴⁷ При этом сам М.И. Ростовцев считал родиной «звериного стиля» Центральную Азию и Алтай.

³⁴⁸ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года. С. 63–65.

[136]

ПРОТОКОЛ³⁴⁹

XXIII открытого заседания Музейной Секции КСИИ ГИИИ от 2/ХІІ-26 г.

Предмет занятий:

I/ Доклад Б.В. ФАРМАКОВСКОГО: «Эллино-скифская выставка Государственного Эрмитажа».

Председатель О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР, Секретарь П.Н. ШУЛЬЦ.

Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ начинает доклад указанием на сложность музейного дела, в котором много невырешенных и неясных вопросов. Предстоит большая длительная проработка вопросов экспозиции археологических материалов, прежде чем в этой области будет достигнута ясность и договоренность между отдельными археологическими музеями. Основные принципы экспозиции археологического материала можно наметить, таким образом, только в самых общих чертах.

В состав эллино-скифского отдела Государственного Эрмитажа входит очень разнообразный и, подчас, не связанный между собой материал. Так как Эрмитаж рассматривался в дореволюционное время – как музей искусства, то в него поступали преимущественно художественные материалы, добытые в могилах и городах Юга России. Основной частью эрмитажной коллекции являются материалы, поступившие из хранилищ бывшей Императорской Археологической комиссии. Главные материалы поступили из Пантикапеи: имеются коллекции из Березани, из Феодосии, с Таманского полуострова, из Ольвии. Наряду с керамическим материалом, имеются обломки монументальной скульптуры, ценнейшие коллекции надгробных памятников и надписей; есть несколько саркофагов; бронза, железо и свинец имеются в собрании в изобилии. Главная масса керамических изделий является импортом из Греции, Малой Азии и Италии. Имеется группа местной керамики, представляющей большой интерес, т. к. она рисует нам местную керамическую культуру, отчасти сохраняющую традиции догреческой керамики, отчасти имитирующую греческие образцы.

Опыт организации эллино-скифских выставок в Эрмитаже имеется налицо. В свое время в Эрмитаже была устроена выставка южнорусских драгоценностей. Выставка, блестящая драгоценностями, роскошно размещившаяся в двадцатиколонном зале³⁵⁰, имела успех. Она привлекла широкое внимание не только в России, но и на Западе. В [136 об.] настоящее время готовится к открытию новая эллино-скифская выставка Государственного Эрмитажа.

Изучение южнорусского античного материала идет давно, но это изучение не находило до сих пор достаточного выявления в выставочном деле. Эллино-скифская выставка в своем устройстве должна, конечно, исходить из тех научных представлений, которые мы имеем о «русском антике» к нашему дню.

³⁴⁹ Авторы признательны Е.В. Аброськиной (МАЭ РАН), осуществившей компьютерный набор документа.

³⁵⁰ Зал №130 в Новом Эрмитаже, изначально предназначавшийся для экспонирования античных ваз.

Значение южнорусской культуры для дальнейшего развития русского искусства было отмечено еще Кондаковым. М.И. РОСТОВЦЕВУ принадлежит термин «Русский Антик». Русский Антик РОСТОВЦЕВ рассматривает, как результат слияния самых различных культурных элементов, в которых большую роль играет элемент Восточной культуры. «Русский Антик», т. о., сложное культурное явление, распространившееся от северного побережья Черного моря до дальневосточных границ. Одной из основных задач выставки является характеристика этой сложной культуры и выяснение ее составных элементов.

Новый отдел Эрмитажа строится в пролетарском государстве. В противовес первой эллино-скифской выставке, устроенной в императорском Эрмитаже и рассчитанной на декоративный эффект, новая выставка ставит задачей воспроизвести на материале те процессы, которые переживались в русском Антике.

Новая выставка строится на научных основаниях и стремится развернуть материал так, чтобы он был доступен для обозрения широких масс. В этих целях материал должен выстроиться в научную, логически ясную систему. Экспозицию нельзя ограничить раскрытием ценности отдельных объектов. Задачей научной экспозиции является не раскрытие материала, «как такового», а раскрытие общественного процесса. Материал расставляется так, чтобы через него мы могли вычитать процесс диалектического развития.

Коллекции, которыми располагает Отдел, относятся не только к искусству, но и к культуре. Эллино-скифский отдел Эрмитажа музей культуры, но не искусства. Художественный памятник рассматривается в нем не как предмет самодовлеющего искусства, но как памятник конкретного культурно-исторического развития, как памятник вполне определенной общественности. Возможность наиболее глубокого [137] подхода к памятникам – осуществляет социологический метод. Но одного социологического метода – недостаточно. Его нужно сочетать с методом эволюционным. Экспозиция должна раскрывать социологическую сущность памятников и их движение в эволюционном процессе. Экспозиция эллино-скифского отдела должна воспроизвести на материале те процессы, которые переживались в русском Антике.

«Русский Антик» – особый Антик. Греческий мир попадает на Юге России в обстановку мира варварского. Эллины едут на Понт Евксинский для хозяйственной эксплуатации колоний. Эллино-скифский мир является одной из крупнейших экономических баз существования античного мира. Юг России, в известной мере, обеспечивал пышный расцвет античной культуры. Северное побережье Черного моря играло роль тыла, который питал центр.

Эллины, вступая на почву Юга России, сталкиваются с варварской местной культурой. Две общественности, колоссально различающиеся – создают эксплуатацию слабых сильными. Эллины – активная сила, с громадным техническим производством. Античная культура в силу своего превосходства не могла не повлиять на местную варварскую культуру. В результате взаимодействия обеих культур и создавалась своеобразная Эллино-скифская культура Юга России.

Указанные предпосылки решают вопрос о местонахождении музея эллино-скифской культуры. Последний должен быть приурочен к такому музею, где хорошо представлена культура античная. Таким музеем является Государственный Эрмитаж. Соседство античного материала с «Русским Антиком», выяснит зависимость последнего от культуры Эллады, и оттенит своеобразные черты русской античности, явившиеся в результате слияния местной культуры с культурой западной.

Для того чтобы посетитель музея мог полнее ознакомиться с южнорусской культурой, очень желательно пополнение оригиналов вспомогательными материалами (картинами, слепками и пр.). Художественный материал музея должен быть так развернут, чтобы за ним раскрывалась культурная среда, родившая данные вещи. Вот почему самым рациональным способом экспозиции археологического материала является расположение его по археологическим слоям.

Каждый археологический слой того или иного греческого населения откладывается вполне определенной эпохой. Слои Ольвии [137 об.], Пантикапеи и других городов Юга России, относящиеся к той или иной эпохе, совпадают по своему содержанию. Это говорит за наличие общих черт в культурном развитии городов Юга России. Это отчасти объясняется тем, что море устанавливало между городами тесную связь.

При экспозиции внутри каждого слоя следует разделять материалы местные и завозные. Весь материал может быть развернут в выставку, раскрывающую основные вехи развития южнорусских городов эллино-скифского времени. Весь материал следует подразделить на 2 группы: группу греческого и группу скифского материала. В основу экспозиции кладется, т. о., признак времени и пространства.

Резюмируя доклад, Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ устанавливает в южнорусских греческих городах наличие четырех основных археологических слоев:

1 слой – эпоха ионийской колонизации. Доминирование ионийской культуры. Ионийские завозные вещи. Вторая половина VII–VI в.

2 слой – Эпоха аттической гегемонии. Доминирование афинской культуры. Расцвет колоний. V–IV в.

3 слой – Эллинистическая эпоха. Наличие некоторого упадка культуры. Новый расцвет в эпоху Митридата III–II в.

4 слой – Рим. Новый археологический пласт. Наличие некоторого подъема. Укрепления. Стены. I–III в. по Р.Х.

Указанная последовательность слоев даст канву развертывания выставочного материала. Смена слоев будет характеризовать смену культур, протекавшую на Юге России.

* * *

О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР предлагает желающим высказаться по докладу Б.В. ФАРМАКОВСКОГО.

Слово берет Г.О. БОРОВКА, отмечающий обстоятельность развернутых Б.В. ФАРМАКОВСКИМ теоретических предпосылок музейного дела, обосновывающих выставочную экспозицию материалов по русскому Антику.

Оппонент указывает, что докладчик оперирует по преимуществу материалом южнорусских городов. Второй половине русско-античного мате-

риала – скифскому, варварскому миру, докладчик уделит мало внимания. Скифы остаются в тени. Между тем Юг России – единый культурный организм, что раскрыто М.И. РОСТОВЦЕВЫМ. Ростовцев вскрывает картину влияния форм эллино-скифской культуры на позже слагающуюся русскую культуру. Эрмитажное собрание дает возможность уяснить тот туземный элемент, который имеется в эллино-скифской культуре [138]. Корни этой туземной культуры следует искать на Востоке. В Сибири мы находим предметы бронзового века, совершенно однородные со скифской культурой. Границы этой туземной культуры распространяются до Китая. Туземная часть Антично-русской культуры, очевидно, вышла из Азиатских окраин. Перед эллино-скифским музеем встает, таким образом, определенная задача связать уголок античного мира с широким распространением скифо-сибирской культуры. Задачей музея является развертывание истории русского Антика, выяснение генезиса скифо-сибирской культуры, явившейся из слияния скифского и античного элемента.

Первоначально античная культура не связана со скифской местной культурой. Но затем эти культуры срастаются, образуя новый своеобразный культурный пласт. Чрезвычайно интересно проследить наличие туземной культуры в быту греческих городов. В надгробных памятниках античные элементы начинают срастаться с формами туземной скифской культуры. В результате этих процессов создается пышный росток Сасанидской культуры. Волны скифо-сибирской культуры докатываются до границ Китая и там вступают в теснейшее взаимоотношение с культурой Китайской, создавая экзотический сплав античного, скифского и китайского элемента.

Местом для такого собрания, которое свяжет эту большую историческую картину в единое целое, является Эрмитаж. Практическое осуществление такой выставки – задача нелегкая. Мешают не только технические трудности, но и трудности теоретические. Задача – заставить говорить памятники сами за себя. В основу выставочного плана следует положить культурно-исторический признак. В основу экспозиции будет положен комплексный метод. При экспозиции скифских курганов должен быть воспроизведен весь комплекс найденных в них предметов, с точной характеристикой условий их замечания. Вещи должны быть дополнены чертежами и фотографиями.

На выставке важно показать, как культура греческая проникается элементами скифской культуры. Не следует скифские вещи, найденные в городах, из материалов этих городов исключать, так как это наглядно покажет наличие скифского элемента в культуре греческих городов. В заключение Г.О. БОРОВКО подчеркивает, что в старом [138 об.] Эрмитаже выставлялись вещи «показные», импонировавшие вкусу любителей и знатоков; в Новом Эрмитаже из кладовых будут извлечены вещи бытового значения, и выставка будет носить не «эстетический», а культурно-исторический характер.

К.К. РОМАНОВ сомневается, можно ли в Эрмитаже осуществить выставку «быта» колоний. Бытовым материалом эллино-скифский отдел в достаточном количестве не располагает. Выставка неизбежно приобретет характер выставки «роскошного импорта».

А.П. ЧЕРЕШКОВ отмечает, что дополнения Г.О. БОРОВКА рисуют чрезвычайно интересную картину. В своем докладе Б.В. ФАРМАКОВ-

СКИЙ орудует по преимуществу импортным материалом. Г.О. БОРОВКА предлагает показать связь между местной и наносной культурой.

Оппонента интересует вопрос – какими средствами имеющиеся в отделе памятники можно сделать доступными экскурсионному посетителю. Посетитель с трудом воспринимает Эрмитажный материал. Если выставка стремится повернуться лицом к массам, то этот принцип следует проводить с твердой последовательностью. В этих целях необходимо рядом с поврежденными оригиналами ставить реконструкции. Музейщики к своему делу должны привлечь архитекторов и художников для реконструкции поврежденных вещей. Следует уточнить вопрос, на кого в музее установка, на массы или на исследователя. В этом вопросе компромиссность только повредит делу.

В.М. КРЕМКОВА высказывается за желательность заслушания в музейной секции доклада Г.О. БОРОВКА, по вопросам экспозиции скифского материала. Постановка вопроса, выдвинутая Г.О. БОРОВКА, чрезвычайно интересна. Оба доклада друг друга дополняют.

П.Н. ШУЛЬЦ задает вопрос докладчику, как мыслит последний экспозицию погребальных комплексов. Будут ли материалы некрополей греческих городов выставляться отдельно от городских материалов или же каждому городскому археологическому слою будет сопутствовать экспозиция погребальных комплексов соответствующей эпохи.

Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ в заключительном слове указывает, что все сказанное Г.О. БОРОВКА несколько не противоречит, а напротив, лишь дополняет положения докладчика. Разумеется, развернутую в докладе и дополненную Г.О. БОРОВКА картину выставки можно будет осуществить лишь при наличии постоянного пополнения Эрмитажного материала. Для полноты картины желательны, конечно, и реконструкции, о которых говорил А.П. ЧЕРЕШКОВ, но последние, к сожалению, трудно осуществимы из-за недостатка денежных средств. Что касается погребальных [139] комплексов, то последние рациональнее всего выставлять как иллюстрацию к слоям городским.

О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР благодарит докладчика и напоминает собранию, что в марте 1917 г. в Институте Истории Искусств в музейной комиссии под председательством М.И. РОСТОВЦЕВА обсуждался вопрос о необходимости выделения южнорусского материала Эрмитажа в отдельную группу. Тогда этот материал был не ясен. Сейчас он выяснился. В текущем собрании О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР видит прямое продолжение и отчасти завершение того дела, которое было начато в 1917 году.

Главнейшую задачу русских антиковедов О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР видит в изучении южнорусского материала, в исследовании скифской культуры, культуры южнорусских степей. Античный и скифский материал Юга России не следует рассматривать, как нечто раздельное. Это два взаимодействовавших элемента, сложившихся в культуру Русской Античности.

Секция изучения Петербургского искусства ГИИИ доказала, что иностранные художники коренным образом перерабатывались, попадая в обстановку русской культуры. Среда всегда накладывает на искусство свой налет. Среду следует рассматривать, как элемент творческий, влияющий на

творчество мастеров. Грек Юга России – грек особого порядка, находившийся под непосредственным влиянием культуры варварской. В его творчестве следует искать следы местных влияний. Музейное строительство должно с этим считаться. Основным принципом экспозиции южнорусского материала должен явиться не историко-художественный, а культурно-исторический метод.

Эллино-скифская выставка – выставка истории материальной культуры. Через эту выставку перед нами открываются совершенно новые культурно-исторические перспективы, совершенно новый взгляд на истоки русской культуры. Поэтому выставка должна быть доступной не только специалистам, но и широким массам.

Новые научные взгляды, новые представления о нашем прошлом должны быть наглядно выявлены в материале и прочитаны посетителем. Музей ничто иное, как вещная книга.

Председатель

Секретарь

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 136–139.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ананьев Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, старший преподаватель Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Бочарова Зоя Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Бухарин Михаил Дмитриевич – академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Вах Кирилл Алексеевич – генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик», член Издательского совета Русской Православной Церкви, заместитель руководителя Научной секции ИППО;

Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ);

Гусева Юлия Николаевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, Самарский филиал ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»;

Державин Виктор Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела славяно-русской археологии Института Археологии РАН;

Ершов Виталий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Центра аналитики и прогнозирования Московского государственного областного университета;

Мосейкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Российского университета дружбы народов;

Исакова Мухаё Сражиддиновна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Республики Узбекистан; старший научный сотрудник Национального архива Республики Узбекистан;

Катагощина Мария Всеволодовна – кандидат исторических наук, соискатель кафедры стран постсоветского зарубежья ИПиМИ РГГУ;

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор РГГУ;

Мухин Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, старший научный сотрудник кафедры стран постсоветского зарубежья ИПиМИ РГГУ;

Христофоров Василий Степанович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Никитин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН.

INFORMATION ABOUT AUTHORS:

Vitaly G. Ananyev – Doctor of Cultural Studies, Senior Lecturer at the Institute of philosophy of Saint Petersburg State University;

Zoya S. Bocharova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department for the study of global issues faculty of global processes of M.V.Lomonosov Moscow State University;

Mikhail D. Bukharin – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of General history of the Russian Academy of Sciences;

Kirill A. Vach – General Director of the Scientific-publishing center «Indrik», member of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Deputy Head of the scientific section of the Imperial Orthodox Palestine society;

Eugene Y. Wittenberg – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of Russian State University for the Humanities;

Yulia N. Guseva – Associate Professor of the Department of history, international law and foreign regional studies, Samara branch of the Moscow City University;

Victor L. Derzhavin – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Slavic-Russian archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences;

Vitaly F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Center for analytics and forecasting of Moscow State Regional University;

Marina N. Moseikina – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Head of the Department of Russian history of RUDN University;

Mohaa S. Isakova – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Senior Researcher of the National archive of the Republic of Uzbekistan;

Maria V. Katagoshchina – Candidate of Historical Sciences, Applicant of the Department of the post-soviet countries of the Institute of post-soviet and interregional studies;

Grigorii N. Lanskoï – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian State University for the Humanities;

Mikhail Yu. Mukhin – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;

Vasily S. Khristoforov – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Nikolay I. Nikitin – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Centre of history of Russian feudalism of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.